

СЮЖЕТНО-СТИЛЕВОЕ И СМЫСЛОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭМЫ А. ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЕРКИН»

УДК 81'367

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

Н. И. Неженец

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Аннотация: Автор статьи исходит из того, что поэзия Твардовского – уникальное свидетельство советской эпохи. Отмечается, что стиль поэмы «Василий Теркин» близок к фольклорному. Для поэмы характерна форма эпического сказа, в нем монологическое повествование включает характерные особенности разговорно-бытового письма. Слово в поэме «Василий Теркин» одновременно иронично и гуманно, в нем выражается суть народной души, мудрое осознание этой душой основ сущего. На примере поэмы «Василий Теркин» автор показывает связь русской песни с психологическими чертами поэтических героев Твардовского. Он обращает внимание на мотив спора жизни и смерти, традиционный для русской поэзии, связанной с военной тематикой. В поэме «Василий Теркин» герой побеждает смерть благодаря боевому товариществу. Этико-смысловые особенности поэмы напрямую соотносятся с принципами народной жизни в советском обществе.

Ключевые слова: Александр Твардовский, поэма «Василий Теркин», эпический сказ, народная война, народная душа, спор жизни и смерти.

Для цитирования: Неженец Н. И. Сюжетно-стилевое и смысловое своеобразие поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №5 (115). С. 121–130. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

PLOT-STYLE AND SEMINICAL ORIGINALITY OF A. TVARDOVSKY'S POEM "VASILY TERKIN"

Nikolay I. Nezhenets

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation,
e-mail: nicknezhenets@yandex.ru

Abstract: The author of the article proceeds from the fact that Tvardovsky's poetry is a unique evidence of the Soviet era. It is noted that the style of the poem "Vasily Terkin" is close to folklore. The poem is characterized by the form of an epic tale, in which the monologue narration includes the characteristic features of colloquial and everyday writing. The word in the poem "Vasily Terkin" is both ironic and humane; it ex-

НЕЖЕНЕЦ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры

NEZHENETS NIKOLAI IVANOVICH – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture

© Неженец Н. И., 2023

presses the essence of the people's soul, this soul's wise awareness of the foundations of existence. Using the example of the poem "Vasily Terkin", the author shows the connection between Russian song and the psychological traits of Tvardovsky's poetic heroes. He draws attention to the motif of the dispute between life and death, traditional for Russian poetry associated with military themes. In the poem "Vasily Terkin" the hero defeats death thanks to military camaraderie. The ethical and semantic features of the poem are directly correlated with the principles of folk life in Soviet society.

Keywords: Alexander Tvardovsky, the poem "Vasily Terkin", epic tale, people's war, people's soul, the dispute of life and death.

For citation: Nezhenets N.I. Plot-Stile and Seminal Originality of A. Tvardovsky's Poem "Vasily Terkin". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 5 (115), pp. 121–130. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-5115-121-130>

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) под воздействием Льва Толстого (а Толстой эстетико-этически вышел из эпоса Гомера), сосредоточился на теме войны. Поэзия в его главной «книге про бойца» заключается в самобытно-образной неожиданности слова, вобравшего в себя философию бытия, его историю и судьбу. Певец изобразил жизнь военную, батально-бытовую; а это состояние ее, как и обыденное, буднично-мирское, держится на мудром осознании сущего. Слово в поэме насквозь иронично и гуманно, так что усмешка бодрит и врачует, предписывая человеку жить там, где много смерти. Оно направлено против мысли об апокалипсисе, извечно бытовавшей в мире. Тут оно – вопреки всему – не совмещается даже с евангелистом Иоанном, утверждавшим, что придет время, когда все будет другое: и небо, и люди, и воды земные. Твардовскому хочется оставить все в нетронutom и непогрешимом виде – и землю, и небо, и жизнь мирскую, в которой если бы и случались войны людские, то они непременно тут же и заканчивались бы мирным исходом в бане, причем на поверженной стороне. А это возможно, если сохранится мир, а в мире – Россия, Россия православная и народная. За Россию и за народ сражается боец поэта в трагическом XX веке.

Поэмы Твардовского («Страна Муравия», «Дом у дороги», «Василий Теркин», «За далью – даль», «Теркин на том свете») явились свидетельством истории, эпохи, в которой поэт жил и творил и которой служил правед-

ным словом вещего пиита. Его произведения несли в себе «правду сущую» о России народной и ее грандиозных свершениях в подвижничестве столетии.

Поэма «Василий Теркин» (1945) запечатлела русский подвиг во Второй мировой войне. Советский солдат (а в то время он был таковым) предстал в ней легендарным творцом истории, спасителем своей земли, а также избавителем Европы и всего мира от чумы западного фашизма. Теркин Твардовского тогда был олицетворением большой народной России, которая называлась Советским Союзом и которая утверждала собою на планете явление неслыханное и долгожданное, будто судьбоносно воссозданное по воле Высшего Духа.

Он, русский солдат Василий Теркин, родившийся и выросший на крестьянской смоленской стороне, будто и был сотворен там для войны и для выполнения всеобъемлющей спасительной миссии, исстари и навечно предписанной ему отеческой землею, родным народом быть воином-бойцом и, будучи воином-солдатом, сражаться и побеждать. Поэма и начинается естественно и просто, без заведомо принужденного намеренья, с авторского желания сразу заговорить о существе войны:

*На войне, в пыли походной,
В летний зной и в холода
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,*

*Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-под льда, –
Лучше нет воды холодной,
Лишь вода была б – вода.*

Поэма написана в стилевом ключе, очень близком к фольклорному. В ней ни одной главы и ни одного стиха, который бы не был выстроен на теплой и дружеской солдатской шутке, на веселой анекдотической истории, на остром и предельно точном бытовом словце. Письмо свободно исполнено обыденными воинскими рассуждениями о том о сем, из чего обыкновенно складывается на войне каждодневное говорение, столь необходимое во фронтовом обиходе. Забавное поучение, свободно перемешанное с затейливой выдумкой, характерно дорисовывает духовно-нравственное бытование боевого солдата.

Твардовский нередко прибегает в своем сказывании к потешной, исконно народной по духу, воинской сценке. Именно она образно оживляет в главе «Переправа» внутреннее состояние бойца, крепко продрогшего в ледяной воде, но с успехом добравшегося до речного берега с донесением. В основу изложения здесь положено распространенное во фронтовой среде просторечно-усмешливое выражение, близкое по складу к анекдотическому:

*Растирали, растирали...
Вдруг он молвит как во сне:
– Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не все на кожу тратить?*

К краткому изустному рассказу с остроумной концовкой очень близок также вызов «Тулы» по телефону в разгар боя, с должной долей забавной иронии переданный в главе «Теркин ранен». В ней, как и в предыдущей главе, в поведении и бойца, и его командира через внешний жест и мимику с безошибочной точностью вырисовываются скрытые внутри психологические тонкости душевного состояния героев:

*Подмигнув бойцам украдкой:
Мол, у нас да не пойдет, –
Дунул в трубку для порядку,
Командиру подает.
Командиру все в привычку, –
Голос в горсточку, как спичку,
Трубку книзу, лег бочком,
Чтоб поземкой не задуло.
Все в порядке.
– Тула, Тула,
Помогите огоньком...*

В главе «Бой в болоте» Теркин с таким же неизбывным умением иронического говорения передразнивает усмешливое желание немцев запеть на русском языке. В первые недели войны им, как известно, несканно везло; они довольно успешно продвигались по советской земле, намереваясь стремительно-быстро добраться до русской столицы. Тогда непрошенные гости, полагаясь на слабость противной стороны и высокомерно питая нескрываемую веру в скорую победу, даже тешили себя пением известных советских песен, издевательски перестраивая на свой лад их интонационно-ритмический строй. Но прошли месяцы, и состояние чужеземцев на войне незадачливо изменилось, так что теперь пришла очередь «певца» Теркина. Привычно подбадривая в бою своих товарищей, он, со скрытой в себе склонностью к актерскому представлению, усмешливо окарикатуривает былые «напевы» варваров-пришельцев, попавших в крайне трудное и плачевное положение:

*Тут состроил Теркин рожу
И привстал, держась за пень,
И запел весьма похоже,
Как бы немец сам запел.
До того тянул он криво,
И смотрел при этом он
Так чванливо, так тоскливо,
Так чудно, – печенки вон!*

Песня имела на войне особенную популярность. Русские пели ее на привале

и в окопе; она неусыпно сопровождала солдата в его нелегких сражениях, крепила в нем мирские надежды и веру в победу, неуклонно поддерживала боевой дух в бою. Теркин сизмальства чувствовал в себе неодолимую любовь к песне; она была его верной спутницей в солдатском быту, служила ему источником радости и вдохновения; с нею соединялись на войне все его заботы и думы. Песня будила в бойце ненависть к врагу, вдохновляла его на ратный подвиг, неусыпно связывала мысли с родимым домом и с теми, кого воин оставил в нем переживать и тревожиться за его и свою жизнь.

И поэт, неотступно следуя за собственным героем, отдавал должное и песне, и тому, какое чувство вызывала она в нем. Песня в стихе Твардовского, уподобляясь человеку, перенимает его свойства, становится эмоционально-персонифицированным, одушевленным существом, выполнявшим очень важные и полезно-необходимые функции в солдатской среде. Поэт, подменяя явление отвлеченное конкретно-бытовым и явленным, создает в главе «Гармонь» ее портретно-олицетворенную зарисовку:

*А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет...
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ.
Хоть бы что ребятам этим,
С места – в воду и в огонь.
Все, что может быть на свете,
Хоть бы что – гудит гармонь.
Выговаривает чисто,
До души доносит звук.*

В таком письме музыка, воспроизведенная гармонистом, превращается в его монолог:

*Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу.
И давайте я на шутку
Это все переведу.*

Русский извечно и бережно несет в себе песню. Родственно-близкая простому мирскому говорению, но еще более прекрасная и выразительная, глубокая, гибкая и послушная, песня способна передавать и мысли его, и тончайшие оттенки душевных движений. В главе «О герое» Теркину в самом явлении песни видится характерная особенность его родной, смоленской стороны, где даже дед, в бороде «лихой и сивой», извлекал из обыкновенного рожка такие эстетически содержательные мелодии, что жителя края стали полшутливо именовать не иначе, как «рождком». Песня явственно выражает создавшего ее человека; она, по сути, его образ, правдивый и в точности верный. Так уж повелось, что русский всегда чувствует себя во власти музыки; он невольно живет ее жизнью.

*Не кичусь родным я краем,
Но пройди весь белый свет —
Кто в рожок тебе сыграет
Так, как наш смоленский дед.
Заведет, задует сивая,
Лихая борода.
Ты куда, моя красивая,
Куда ведешь, куда...
И ведет, поет, заяривает —
Ладно, что без слов,
Со слезою выговаривает
Радость и любовь.*

Твардовский, раскрывая властную силу музыки и песни, соотносит ее с психологическими чертами своих героев, столь глубокими и яркими, что они и в самом деле обогащают и возвышают русскую натуру, делают ее образ по-житейски обаятельным, естественно-чарующим. Он, русский, от природы и в природе талантлив; в его способности достойно и полно выражать себя в искусстве напевного слова и, органично соединяясь с ним в миру, выходить на поле брани духовно-несокрушимой мощью.

Песню невозможно оторвать от родной земли, увести от реальной жизни, тем бо-

лее обратить ее против бытования в исконно привычной среде. Рожденная жизнью, она неуклонно тяготеет к почве, на которой возникла, и неизменно возвращается к бытию человека, в устах которого зазвучала впервые.

Оттого-то именно жизнь кондовая, коренная есть и всегда была истинным смыслом песни, неиссякаемым источником ее фронтового существования. Поэт, порою переносясь в своем воображении на несколько десятилетий вперед и там, листая героические страницы былых сражений, пытается во всем существе оценить происшедшее, которое кажется легендой.

*И солдат мой поседельй,
Коль останется живой,
Вспомнит: то-то было дело,
Как сражались под Москвой...
И с печалью горделивой
Он начнет в кругу девчат
Свой рассказ неторопливый,
Если слушать захотят.*

Заметьте, как сражались бойцы, о том не говорится, но упоминается о битве у ворот Москвы. И образного умолчания оказывается в поэтическом стихе достаточно, поскольку само по себе событие представляется воистину невероятным: дойти-добраться с боями до столицы противника – и бесславно отступить, покатиться назад, чтобы затем, уже в своей столице, позорно сдаться.

Однако в другой главе, 17-й, «Бой в болоте», тема русской, народной по сути, героики раскрыта во всей своей колоритной и явственной детализации:

*И противник по болотам,
По траниням торфяным
Садит вновь из минометов —
Что ты хочешь делай с ним...
Перемокая пехота
В полный смак клянет болото,
Но мечтает о другом —
Хоть бы смерть, да на сухом.*

Русский с нескрываемой усмешливой иронией, простодушно и честно судит и свою работу в бою:

*ЗаклЮчить теперь нельзя ли,
Что, мол, горе не беда,
Что ребята встали, взяли
Деревушку без труда?
Что с удачей постоянной
Теркин подвиг совершил:
Русской ложкой деревянной
Восемь фрицев уложил.*

Русский, по Твардовскому, – богатырь и как будто не богатырь, а, впрочем, если и смахивает на богатыря, то разве что тем, что не уступает ему ни в силе, ни в духе своем. Так что он, выходит, даже способен и сравниться с ним, и если это так, тогда то, что есть в русском, быть может, даже больше и сильнее, чем в богатыре из сказки. В главе «От автора» поэт пишет:

*Богатырь не тот, что в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян...
То серьезный, то потешный,
Нипочем, что дождь, что снег, —
В бой, вперед, в огонь кромешный
Он идет, святой и грешный,
Русский чудо-человек.*

Обычно поэт придерживается четырехстрочной строфы, но, если надо что-либо выделить в мысли, он дополняет ее пятым стихом; а вот тут, в приведенной выше портретно-психологической характеристике русского солдата, строфа разрастается на целых шесть стихов с тремя идущими одна за другою созвучными женскими рифмами: запояске, «закваски», «опаски». И ни в одном слове, ни на йоту не допущено ничего ненужного и лишнего; все по смыслу истинно, все подобрано до крайности точно и к месту – даже в бытовом неологизме «запояске».

У сказочного героя Теркин взял многое: его могучий физический облик, добродушно-веселое расположение к себе и к другому, удалое молодечество в бою. Однако это лишь своеобразная канва, по которой певец искусно и реалистически одухотворенно вышивает оригинальные узоры своего образного письма, сохраняя традиционно-изустную традицию.

В той же 24-й главе («От автора») поэт корректирует сказочного героя штрихами, сугубо реалистически подобранными им для сопоставления с собственным героем. В физическом облике Теркина отсутствует всякая необычность, которая присуща фольклорному персонажу; герой Твардовского, в отличие от него, вынослив и бесстрашен, но вместе с тем и осторожно расчетлив в боевых схватках.

*Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски...
В муках тверд и в горе горд,
Теркин жив и весел, черт.*

На сказочно-песенной основе построена глава «Смерть и воин». Мотив спора жизни и смерти, собственно, не нов в искусстве слова. В схожем плане его вкрапливали еще в древности сказители бытовых поучительных притч («Солдат и смерть», «Аника-воин»). Этот же мотив был положен также в основание лубка XVIII века, где, скажем, бравый молодец Аника храбро и дерзко схватился с явлением смерти, представшей перед ним в виде скелета с острой косою, однако при первом взмахе «косы» кичливый воин валится с коня и падает замертво на землю. На другой лубочной картинке изображен некий Иона, не устоявший перед соблазном присвоить деньги своего умершего товарища, которые тот просил отдать в церковь на помин души; но скупец не увидел, как смерть неожиданно и с косою наведлась в его богатый дом во время пира. Уже на исходе XIX века на мотиве столкновения бытия и небытия была написана А. М. Горьким известная сказка-новелла «Девушка и смерть».

Аналогичная сказочная ситуация перешла в песенную культуру. В частности, в 1831 году унтер-офицер Невского пехотного полка Н. Ф. Веревкин ввел ее в свое стихотворение «Под ракитою зеленой». Тогда же оно было опубликовано в газете «Русский инвалид» и вскоре в переработанном виде проникло в народный обиход. В казачьем мире текст песни стал прообразом «жестокого» романа под названием «Черный ворон», который бытует и по сей день. В нем повествуется о погибающем казаке, который просит ворона сообщить родным о его смерти.

*Что ты вьешься, черный ворон,
Над моею головой?..
Ты добычи не дождешься,
Я солдат еще живой.*

Твардовский, перерабатывая романский текст, существенно снизил образ смерти, сделал его более реальным и живым. Певец заменил вещего романтического ворона явлением «косой старухи» в седых космах; она и склоняется над раненым Теркиным, собираясь забрать его в свои тенета.

Однако солдат не сдаётся, отказывается следовать за худым и безобразным существом. Так в поэтическом строе главы «Смерть и воин» сошлись в «смертельной» схватке две изначальные силы, едва ли не с момента творения противоборствующие в людском мире.

Глава 21-я стала смысловым стержневым центром поэмы «про бойца». Здесь в условной «беседе» одной и другой стороны раскрылась мысль-идея существования войны, ее исконных земных граней. Старуха-смерть безжизненно воздействует на раненого своим леденящим дыханием и мертвым словом:

*– Ну, солдат, пойдем со мной.
Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.*

Солдат отвечает ей обыденно и просто: лежать на снегу ему, конечно, и холодно, и неудобно; тем не менее, он вовсе не хочет расставаться со своим дыханием, что теплится и связывает его с жизнью: «Я не звал тебя, Косая, // Я солдат еще живой». Косая, с присущей ей ролью заведомой хозяйки, отнюдь не собирается отступать; она продолжает омертвело настаивать на своем, придирчиво и властно указывая солдату на верный признак безнадежно исходящего из него духа: на щеках – снежок, «сухой снежок», уже не тает. Выходит, он, солдат, «живой, да не жилец». Она даже готова приободрить противника, открывая ему завесу собственной юдоли: «Моего не бойся мрака. Ночь, поверь, не хуже дня». Вот тут и прошелестели слова, сразу введшие ее в некое замешательство:

*А чего тебе, однако,
Нужно лично от меня?*

Костлявая вся напряглась, снисходительно хрустнула в жидких костях своих новым резонансом: нужен-де лишь «знак согласия, что устал беречь ты жизнь, что о мертвом молишь часе». И тут же до худого уха ее донеслось в ответ прежнее, но еще более естественное и решительное:

*– Не хочу.
Мне пожить как раз охота,
Я и не жил-то еще.*

Косая, поскольку она Косая, выпутывается, однако, из зашедшего в тупик поединка, прибегая к последним своим черным доводам: холод люто сгущается, и в поле «завелась поземка», так что, если смерти на время даже и отойти, отодвинуться от раненого, никто из живых к нему не придет, его вряд ли отыщут в снежной завирюхе.

Философия русского бытия, неиссякаемого приятия ее всеми солдатами российской стороны закрепляется идеей всемирского

единения в последней сцене поединка. В ней сказалось все существо всечеловеческой общности, что в недавнем прошлом называлась коллективностью, а теперь именуется всеобщей бескорыстной и дружеской спаянностью в русском мире. Поэт образно раскрыл здесь неиссякаемые родники воинского товарищества на войне, и главное – всеобщее, всесолдатское приятие духа его на уровне сердца и мысли.

Теркин победил вследствие своей неразрывной спайки с солдатским сотовариществом: его, умирающего на снегу, подобрали друзья-товарищи по оружию. Костлявая с позором отступила, скорбно заметив, сколь велика и неистребима в духе русского воля к жизни даже, казалось бы, в истекающие минуты его бытия. Тут в каждом вздохе солдата ощущаются неуступчивые связи с жизнью, столь победно необходимые в боях и сражениях за родную землю. Не случайно глава названа не «Теркин и смерть», а более обобщенно – «Смерть и воин», что более глубоко и точно указывает на этико-смысловые особенности ее содержания, прямо соотносённые с жизненными принципами в советском народном обществе.

И подумала Смерть впервые, глядя со стороны: «До чего они, живые, меж собой свои – дружны, нехотя даешь отсрочку. Потому и с одиночкой сладить надобно суметь». И, вздохнув, отстала смерть.

Человек готовился к доброй жизни и подвигу в боях за нее. В этом и состоит идея бессмертного подвига в XX веке бытия земного.

В поэме Твардовского хореический строй стиха и интимные чувства героя введены в план общественно-бытовых переживаний. Это сообщает ему особую тональность эпического лиризма, что нередко сближается с образно-психологическими напевами песенного жанра. Таково интонационно-ритмическое описание душевной тоски героя по своей деревенской стороне, по оставшейся в одиночестве родной матери в главе 15-й, «Генерал».

У речушки – неглубокий
Родниковый ручеек
Шевелит травой-осокой
У его разутых ног.
И курлычет с тихой ласкою,
Моет камушки на дне,
И выходит не то сказка,
Не то песенка во сне.
Я на речке ноги вымою.
Куда, реченька, течешь?
В сторону мою родимую,
Может, где-нибудь свернешь.
Там печаль свою великую,
Что без края и конца,
Над тобой, над речкою, выплакать,
Может, выйдет мать бойца.
Над тобой, над малой речкою,
Над водой, чей путь далек,
Послышать бы хоть словечко ей,
Хоть одно, что цел сынок.

Теркин в этой главе награждается боевым орденом и недельным отпуском на родину; только побывка его откладывается до конца будущего наступления Красной армии.

Внешнее, событийное совмещается в эпическом стихе поэта с внутренне-психологическим. В этом образном сплетении, воссоздающем очертания прифронтовой действительности, многогранно выписана структура повествования в виде монолога, реплики, шутильной обмолвки, диалога, мысли вслух, лирического отступления автора. Сам по себе стих Твардовского очень близок к просторечно-бытовому говорению с привычной народной склонностью к мудро-обыденному осмыслению сущего, выражаемого в округлой, афористической точности слова.

Избранные аспекты содержания служат средством изображения военной реальности изнутри, через внутренний мир героя. В поэтической новелле 11-й, «Поединок», по отрывочным репликам Теркина, по его монологу, обращенному к фашисту, можно проследить весь ход не только жестокой схватки с немцем, но и душевного состояния в ней нашего героя:

Двое топчутся по кругу,
Словно пара на кругу,
И глядят в глаза друг другу:
Зверю – зверь, и враг – врагу.
.....
Ты не знал мою натуру,
А натура – первый сорт.
В клочья икуру – Теркин чуру
Не попросит. Вот где черт!
.....
Злость и боль, забрав в кулак,
Незаряженной гранатой
Теркин немца – с левой – шмяк!
Немец охнул и обмяк.
Теркин – ворот нараспашку,
Теркин сел, глотает снег,
Смотрит грустно, дышит тяжело —
Поработал человек...

Заслуги генерала в 15-й главе переданы как бы в задушевной беседе с солдатским товариществом:

Ты, обжегшись кашей, плакал,
Ты под стол ходил пешком.
Он тогда уж был воякой...

В главе «О любви» Твардовский, раздумчиво меняя «собеседника», обращается с темой главного чувства на войне к солдатам, злым женам, к незамужним девушкам, к танкистам, артиллеристам и еще раз к девушкам. Форма диалога использована в главах «Наступление» и «Смерть и воин». В последней новелле Теркин прибегает к форме невинного вопроса, что позволяет ему держать свою противницу на приличном расстоянии от себя: «А чего тебе, однако, нужно лично от меня?» Тут даже ощущения замерзающего солдата передаются тихими репликами, исходящими от «лютого мороза»; сама форма поэтической реплики создает иллюзию собеседования:

Я пути такие знаю,
Что поди поймай меня.

В структуру поэмы прочно входила форма сказа... Жутко простодушен русский, жутковато доверчивый и бесхитростный; жутко наивный, нехитрый, невинный, простосердечный...

Поэма написана в форме авторского монолога, структурно разбавленного штрихами реплики, шутильной обмолвки, диалога, мысли вслух, лирического отступления. В основание ее положен жанровый принцип стилизации рассказчика, представляющего свою социально-общественную, то бишь, народную, среду. Его поэтическое говорение выдает в нем певца-сказителя, стремящегося создать своей речью впечатление непосредственного рассказ-импровизации, в которой поэт совпадает и не совпадает с рассказчиком, но на себя переносит его мироощущение. Поэма принимает очертания сказа. Такое повествование помогает автору создать иллюзию самостоятельности героя-рассказчика.

Форма эпического сказа, построенная в основном как монологическое повествование, включает характерные особенности разговорно-бытового письма. В реалистическом сказе Твардовского воссоздаются – через стиль изложения – типические черты социально-бытовой, историко-национальной и индивидуальной характеристики героя и всей обывденной фронтовой среды, к которой он существом своим принадлежит.

Поэма Твардовского исполнена историко-легендарным содержанием. В ней, при всем ее былевом очертании, ведется «сказывание» о текущем времени, о том, что происходит в данный момент на войне. Поэт писал свои новеллы с натуры, по следам идущего боя, битвы, сражения. Оттого эпос, рожденный в его стихе, предельно сближался с реальностью, с духом и бытом солдат, какой развертывался в окопе, блиндаже, ровике, на широком поле.

Певец все видел, все слышал; ему в качестве военного корреспондента приходилось нередко подолгу жить на передовых позициях, стрелять из автомата и тут же записывать в блокноте вдохновеньем сотворенные стихи. И теперь в науке о Твардовском ходит история, как его однажды чуть не убило случайно залетевшей миной. Это было летом 42-го, в разгар битвы за Харьков.

Поэт с очередным заданием летописца прилетел в белгородские места, посидел в окопе, походил по ровику, а затем его внезапно осенило, и он спешно оставил беседу с солдатами и расположился неподалеку на пригорке, поросшем мятликом и овсяницей. Твардовский записывал новеллу «Перед боем». Так он просидел на холмике около часа, пока стихи в нем не иссякли. Тогда поэт поднялся, расправил плечи и неторопливо пошел назад, к окопам, и когда он удалился от пригорка на шестьдесят-семьдесят метров, туда упала невесть откуда залетевшая мина. Задержись поэт еще на минуту-другую там, где он только что строчил карандашом, и никакого «Теркина» в русской литературе не было бы... Впереди была долгая война и столь же трудная и долгая работа над эпической поэмой о главном русском подвиге в XX веке.

Поэма составила из тридцати относительно самостоятельных новелл в стихах, объединенных общей мыслью-идеей об истинной сущности войны на земле и о существе в ней русского, бравшего прежде и взявшего на себя теперь все ее боли и все тяготы, взявшего и вынесшего их на своих плечах с упорством и верой в победу. Произведение завершается мирской сценой «В бане». Оно и естественно: после тяжелого труда, какую является грязная от крови и пота война, надлежит по-русски помыться в бане... Процедура эта осуществляется русским солдатом на чужой земле, в чужой, поверженной им столице, чтобы возвратиться на родину чистым душою и телом.

Новеллы, составившие содержание поэмы, написаны в соответствии с нормами классической традиции, о чем писал в свое время Пушкин при чтении драмы Кальдерона «Жизнь есть сон». Строение пьесы отметилось гармоническим равновесием всех ее частей: завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой. Нечто подобное сложилось и в своде новелл, из которых выросла структура сюжета поэмы о Теркине у Твардовского.

Поэма исторически достоверна в самой основе. Твардовский воспроизвел реальность и в образе главного героя, и в содержании темы войны. Русский солдат в ней проделал долгий и тяжкий путь борьбы, пройдя «от западной гра-

ницы до своей родной столицы, от своей родной столицы вплоть до западной границы и от западной границы плоть до вражеской столицы».

Поэт-сказитель, следуя народнопоэтической традиции, сохраняет в своем письме типовую форму сказа, но разве что в интонации, заставляя себя говорить обобщенно и осмысленно лишь в этой, ритмической части, тогда как в другой, сугубо событийной, он сыплет мелочно, всеми подробностями и штрихами, какие только свойственны изображаемому явлению. Совмещение интонационно-сказываемого и детально-событийного в едином потоке авторского говорения и создавало специфику твардовского письма. То, о чем рассказывается, выходит зримо и явственно, но все это представляется со свободной долей тонально-былевой импровизации; словом, певец, повествуя достоверно о реально-бытовом, что есть в действительности, прикидывается сказителем и как сказитель сказывает, а не описывает по-художнически.

Манера поэта сказывать о трагико-драматических явлениях войны, скрепляя сказание с существом русского солдата, у которого, кстати, есть конкретное имя и типовая фамилия, располагает к чему-то точному при обрисовке и самого действия, и психологического портрета героя. Однако все это у него образно обобщено, знаково-символически предложено читателю, свободно допускает в повествование компоненты авторской импровизации.

Поэма выражает мировоззрение народа в эпоху военного лихолетья, его отношение к действительности, его борьбу за независимость, его мечты о будущем. Содержание глав

меняется, как меняется порождающая ее действительность. Произведение имеет ярко выраженный национальный характер.

Исключительно велика его художественная значимость. Его национальная специфика сказывается в языке, в бытовых подробностях, в характере пейзажа, в том, что в ней рисуется уклад русской жизни, преимущественно крестьянской. Идейная направленность поэмы, подлинный гуманизм ее содержания соотносятся с секретом ее жизнеспособности.

До сих пор не прослежено движение мысли-идеи от главы к главе. В поэме предстала вся война, обрушивавшаяся на русскую землю. «Как от западной границы...». Однако характерные извивы этого движения можно выделить. В начальной главе «От автора» поэт говорит о важности на войне воды, правды... Поэт высмеивает варварские пороки пришельцев, рисует духовное превосходство русского над своим противником. В русском живет неистребимая вера в конечную победу над врагом; в нем совместились все чаяния, все ожидания и надежды простых людей России.

Поэт представляет душу народа; а мирская душа тем объемнее и шире, чем размашистее пространство, на котором она возросла. Русскому суждено было вобрать в себя всю ширь, всю необъятность холмов и далей, где он – по воле земли и неба – расселился. Собственно, он потому и расселился так размашисто и раздольно, что был от природы наделен необъятностью и ширию в своей душе. Оттого-то ему одному, и никому другому, удалось пройти-прошагать по трем континентам и мирно, соборно закрепиться на них.

Список литературы

1. Неженец Н. И. «Ржаные апостолы» русской поэзии двадцатого века. Москва: Квадрига. 2020. 360 с.
2. Твардовский А. Т. Василий Теркин. Книга про бойца. Академия наук СССР. Литературные памятники. Москва: Наука. 1976. 531 с.
3. Твардовский А. Т., Гефтер Ю. М. XX век. Голограммы поэта и историка. Москва: Новый хронограф. 2005. 496 с.

*

Поступила в редакцию 23.05.2023